

№ 1

(814)

21-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОГОНЁК

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

3

января
1943 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

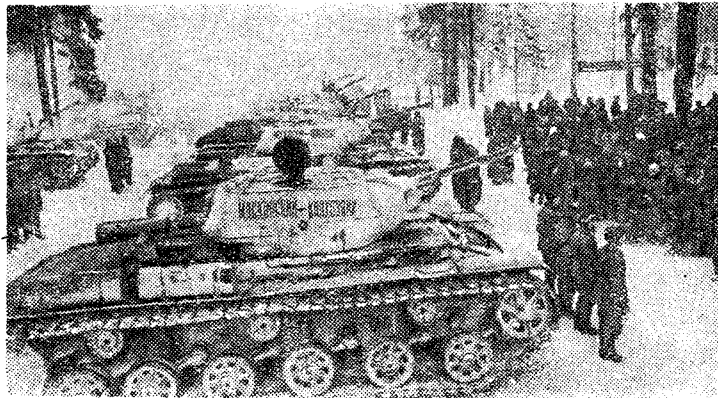
С ОГРОМНЫМ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ПОДЪЕМОМ отдают колхозники свои сбережения на строительство танков и самолетов. Почин сделал саратовский колхозник Ферапонт Головатый, который внес 100 тысяч рублей. Его примеру последовали многие другие советские патриоты, вносящие по 100, 150, 200, 250 тысяч рублей.

В числе пламенных патриотов, отдающих свои сбережения на вооружение Красной Армии, находится Степан Григорьевич Алишкин, председатель колхоза имени Димитрова в селе Мячково, Коломенского района, Московской области. Он внес на строительство танков 125 тысяч рублей. Мы видим на этом снимке Степана Григорьевича, который обменивается рукопожатием с командиром танка танковой колонны «Московский колхозник» тов. М. Н. Прониным.

Фото М. Озерского

Новости недели

ТАНКОВАЯ КОЛОННА «МОСКОВСКИЙ КОЛХОЗНИК»

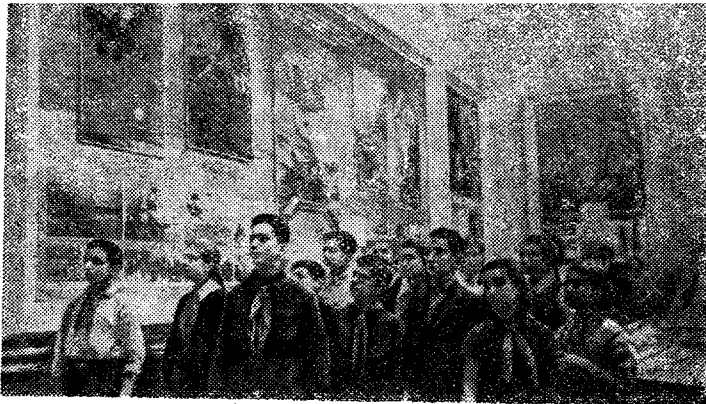
С величайшим патриотическим воодушевлением восприняли наши колхозники октябрьский доклад и приказ товарища Сталина. Они откликнулись на призыв вождя выполнением и перевыполнением плановых поставок государству сельскохозяйственных продуктов. Колхозное крестьянство проводит по всей стране сбор средств на строительство танков и боевых самолетов.

В числе других передана Красной Армией танковая колонна «Московский колхозник», построенная по почину колхоза «Путь и социализму», что в селении Зябликове, Ленинского района, Московской области.

Вот она, эта мощная колонна, сфотографированная на митинге в Н-ской части, посвященном передаче танков Действующей армии.

В братском единстве со всей Советской страной наша колхозная деревня с каждым днем увеличивает свои вклады в дело победы над немецко-фашистским врагом.

КОМСОМОЛ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В Москве, в здании Исторического музея, открылась выставка «Комсомол в отечественной войне».

В произведениях живописи, в фотоснимках, в документах, в простреленных пулями комсомольских билетах, в орденских книжках запечатлено участие героического ленинского комсомола в боях с немецко-фашистским врагом.

В особом зале выставки на серебряном щите — надпись, определяющая все содержание этого зала: «207 Героев Советского

Союза дал комсомол Родине в дни отечественной войны». Многих из них, как Шура Чекалин, Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, уже нет в живых; другие продолжают разить врага на фронте, зажигая всех соратников своим патриотическим энтузиазмом, своей безграничной ненавистью к подлому врагу.

Два зала посвящены подвигам комсомольцев на фронте, третий зал — нашему самоотверженному тылу, работе комсомольцев на оборонных предприятиях, в шахтах и на фабриках, в колхозах.

ЛОСКУНОЕ ЦАРСТВО

В Венгрии, по только что опубликованным официальным данным, насчитывается 14760 тысяч жителей. Из них 11 миллионов венгров, 1114 тысяч румын, 865 тысяч немцев, 587 тысяч русин, 513 тысяч сербов и хорватов, 308 тысяч словаков, 161 тысяча евреев и свыше 70 тысяч представителей других национальностей меньшинств.

Таковы официальные цифры. В действительности невенгерского населения значительно больше: под рубрику «венгров» подведены многие жители Трансильвании, захваченных районов Югославии и т. д.

ОПАЛЬНАЯ ЦИФРА

Немецким патрулям и квислинговским полицейским прибавились теперь новые заботы. Им приказано стирать цифру «1918», появляющуюся по утрам в Бергене и других городах Норвегии — на стенах домов, на афишных тумбах и заборах.

Упоминание о 1918 году, когда произошел разгром и крах кайзеровской Германии, действует на нервы гитлеровских оккупантов.

ТАК НАЧАЛАСЬ АТАКА

На этом снимке, переданном в Лондон по радио непосредственно с поля битвы, запечатлен первый момент атаки британских войск у Эль-Алемейна, на Египетском фронте. Устремившись из позиции, занимаемые итало-германскими войсками Роммеля, пехотинцы британской 8-й армии во взаимодействии с артиллерией и авиацией прорвали неприятельские линии и проложили дорогу танкам.

ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ

У гитлеровцев ничего не получается с привлечением молодых эльзасцев в армию. Добровольцев не находится, а призванные по мобилизации бегут из страны.

Окружной руководитель гитлеровской организации в городе Мюлузе некий Мурер выступил в местном Народном доме с речью, в которой заявил, что отныне «мобилизуются все, от колыбели до могилы». Затем последовали угрозы по адресу населения, т. е. «людей, которые продолжают считать, что Германия все еще может проиграть войну, ибо в один прекрасный день зашатается внутренний фронт».

В ответ на немецкие угрозы и увещания дезертирство резко усилилось. По утверждению швейцарской газеты «Националь цейтунг», тысячи молодых эльзасцев уже направляются по ту сторону границы.

СЕМНАДЦАТЬ ПОБЕД

Семнадцать звездочек на фюзеляже боевой машины — таков счет побед сталинского сокола капитана Сергея Сергеевича Щирова. Первый немецкий самолет был сбит тов. Щириным где-то в районе Прута, семнадцатый — над вершинами Кавказа. Тов. Щинову присвоено звание Героя Советского Союза.

ЛУЧШИЙ РАБОЧИЙ ЗАВОДА

Депутат Верховного Совета РСФСР Е. З. Охрименко работает фрезеровщиком на заводе имени Кагановича. Из месяца в месяц он систематически выполняет более четырех норм. Тов. Охрименко присужден вымпел «Лучший рабочий завода».

СНАЙПЕР СТРЕЛЬЦОВА

До войны А. П. Стрельцова работала на заводе слесарем. Когда враг напал на нашу родину, она пошла добровольцем в Красную Армию. Изучив отлично снайперское дело, она истребила 24 фашиста. Старшина Стрельцова награждена орденом Красного Знамени.

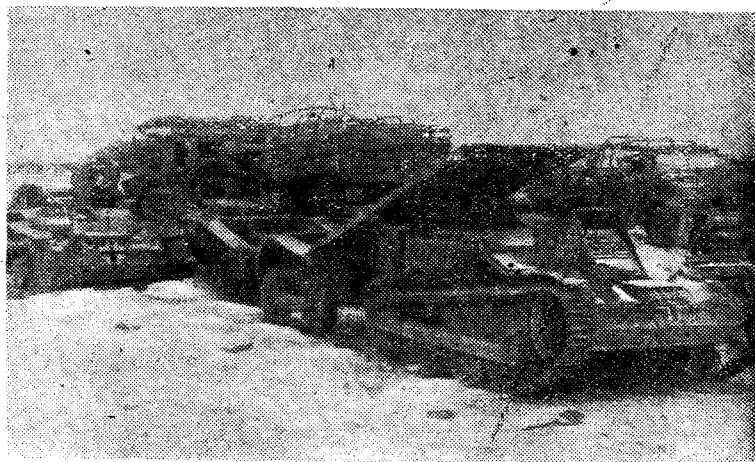

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

С неослабевающей силой части Красной Армии продолжают громить и уничтожать гитлеровские орды. Широким фронтом продвинулись вперед советские войска в районе Среднего Дона, под Сталинградом, на Северном Кавказе. Из многочисленными населенными пунктами, городами и железнодорожными станциями, освобожденными от фашистских насильников и грабителей, снова реет советское знамя. Гитлеровцы понесли огромные потери. За время наступления наших войск на Дону и под Сталинградом взято в плен свыше 137 тысяч солдат и офицеров противника, захвачены и уничтожены сотни немецких танков и самолетов, тысячи орудий, минометов, пулеметов, автоматов, десятки тысяч винтовок, миллионы снарядов и патронов. Гитлеровцы потеряли только убитыми больше 175 тысяч солдат и офицеров. Наступление наших войск продолжается.

На снимке сверху — бойцы Красной Армии атакуют высоту 128,2. На остальных снимках: трофеи наших войск — немецкие танки, машины, оружие, запасы продовольствия, захваченные частями Красной Армии.

Фото А. Зенниа (ТАСС) и А. Кричевского.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Фото В. Цейтлина.

Наступательные операции наших войск в районе Сталинграда продолжаются. Враг несет большие потери. Бросая технику, оставляя убитых и раненых, фашисты откатываются на запад. На сличке—вражеские блиндажи, разгромленные огнем нашей артиллерии.

Весь путь фашистской армии к Сталинграду отмечен деревянными крестами, под которыми лежат тысячи гитлеровских убитых, получивших обещанную им русскую землю. Другие же, поняв всю безнадежность сопротивления и желая сохранить себе жизнь, сдаются в плен. Бесконечные вереницы пленных тянутся по дорогам в тыл.

Следы восторженного отступления врага видны повсюду. На дорогах, рядом с исправными танками, орудиями, машинами, валяются разбитые повозки, автомашины, подбитые и сожженные танки и пушки.

Среди других трофеев, захваченных нашими частями, оказался и грузовик с плетеными из соломы лантями. Это запас «зимней обуви», которой фашистское командование решило «осчастливить» своих замерзающих от холода солдат.

Наши трофейные команды с большим трудом сортируют и подбирают огромное количество трофеев. В некоторых местах эта задача облегчена: фашисты, аккуратно сложив вытовки в штабеля, целыми частями сдавались в плен.

ПРОВЕРКА

Всеволод ИВАНОВ

Рисунок А. Щербакова

...Со середины ночи канонада усилилась. То тут, то там в небе всплывали ракеты. Их призрачный желтый свет, похожий на свет отсутствующего полного месяца — за тучей, — создавал то состояние, когда ты стоишь против отверстия, в которое можешь видеть, но услышать ничего не услышишь. Но по мере усиления канонады и увеличения силы ракет, от света которых теперь деревья по откосу казались сине-коричневыми, а река желтой, становилось ясным, что гигантский агрегат боя смонтирован, и с минуты на минуту начнет действовать.

За час приблизительно до рассвета Матвей, передав цех своему помощнику, пошел на откос, чтобы проверить, как стоит смена истребителей танков в резерве, неподалеку от окопов. Отсюда, с откоса, движение диковинного агрегата боя чувствовалось сильнее. По ту сторону реки наши пушки начали отвечать немцам. Но еще недвижно лежали в противотанковых, замаскированных дерном и кустарником рвах противотанковые снаряды и гранаты, не булькала липкая зажигательная смесь в сосудах... Истребители танков — их пока было человек шестьдесят — нервно курили. Один из них, красивый, молодой, с темными усами на полном лице, глядя на Матвея, сказал, видимо стараясь угадать его мысли:

— И что, товарищ начальник, думаете, поди, про нас: ранят сейчас немцы одного — мы и разбежимся?

Матвей хотел что-то сказать, но тут поспешно подошел сменный инженер сборочного цеха Никифоров, пожилой, бритый, с необыкновенно круглыми розовыми ушами, до удивления близко стоящими возле глаз. Вытирая губы рукавом куртки, очень сильно волнуясь, он отвел Матвея в сторону и сказал:

— Директор приказал: пойти комиссии на передовую линию обороны и проверить действия детали «5-ЮД». Очень он в ней сомневается. Конструктора смонтировали, соединили в одну шесть деталей, как бы она не отказала.

— Кто в комиссии?

— Я, вы, Матвей Потапыч, и конструктор Койшауров. Вот волнуется...

Матвей посмотрел на его лицо и подумал: «Да и ты, брат, волнуешься не меньше». Проверил и себя: «Тоже, пожалуй, волнуясь» — потому, что бруствер, бревна в его потлке, окурки и обрывки газет на полу, полутьма, запах хлеба и человеческого пота — все это было мило ему и со всем этим не хотелось расставаться. Но идти надо, да и действительно, ему хотелось посмотреть, не мешает ли работе противотанковой пушки деталь «5-ЮД». К тому же он поддерживал на производственном совещании предложение Койшаурова, застенчивого и робкого армянина. И если он точно волнуется, надо поддержать его и сейчас.

Между тем Никифоров продолжал словоохотливо:

— Он думал: ему полигон. Нет, извольте пожаловать, да и проверить ваши конструктивные изменения на поле боя! Каково?!

Видимо, он досадовал на этого Койшаурова с его конструктивными улучшениями. Матвею было это неприятно, и он сказал:

— Ну, раз пошли, так пошли!

Матвей почему-то подумал, что они пойдут прямо через лесок и противотанковые рвы к реке и перейдут ее в брод: сильные жары последних дней способствовали ее обмелению; на перекате, по пыше моста, как раз против стадиона, река едва ли была по пояс человеку.

Изысканный, упитанный, с широким затыком и выражением удивления в черных, на выкате глазах, конструктор Койшауров ждал их поодаль, возле кучи щебня.

— Как вы долго! — сказал он жалобно. — Это далеко?

— Через мост налево, километра два-три. Туда снаряды vezут — прихватят, — ответил Никифоров со злостью.

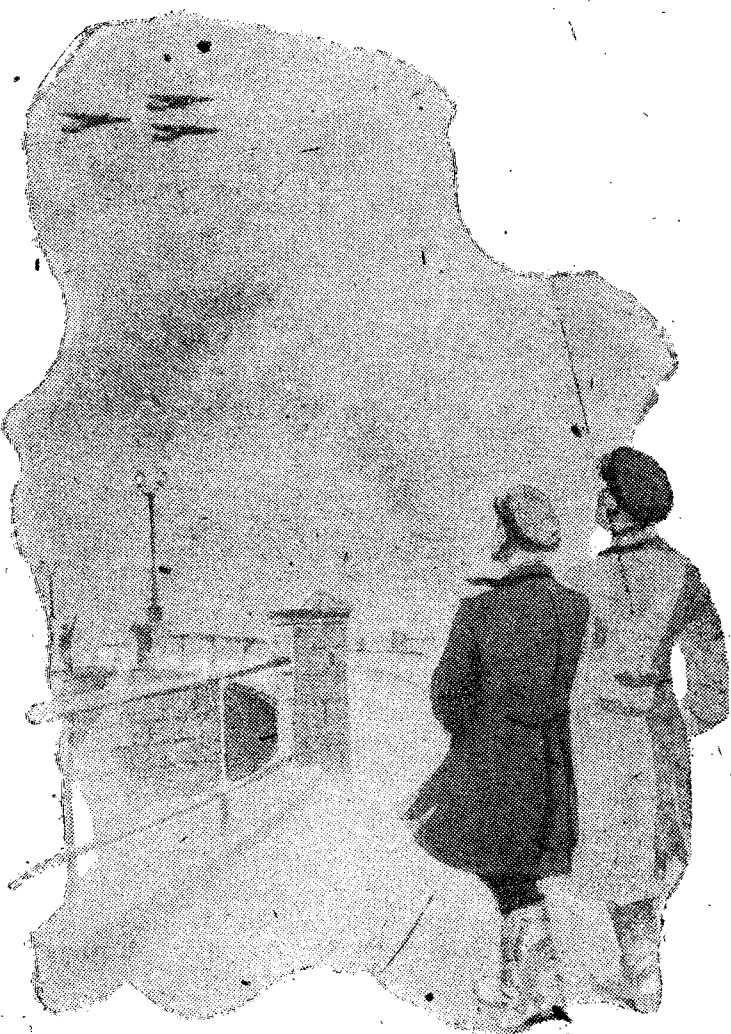
Матвей понимал, что Никифоров предполагал доехать на машине до позиций и поэтому направляется к мосту. Если же сказать Никифорову, что мост минирован и что самолеты противника через каждые полчаса бомбят его с большой высоты и все не могут попасть, то, пожалуй, Никифоров откажется от своего замысла. Но Матвею уже несколько дней хотелось пройти через мост под бомбами, ему думалось, что это и будет ответом на мучающий его вопрос: «Струсит он во время большого сражения или нет?» Вот почему Матвей не стал настаивать на бросе, а пошел за Никифоровым и конструктором, все время нервно поправлявшим на себе длинную гимнастерку.

Мост был пуст. Грузовики медленно ползли по нему вдоль отмеченной белой краской линии. Матвей смотрел по ту сторону белых полос, на травяные рельсы, поблескивающие в лучах рассвета, на сероватотусклый асфальт и думал: «Неужели, если грузовик свернет туда, то все сейчас: снаряды, радиатор, запыленные крылья, сам шофер, надвинувший пилотку на брови, — все это взлетит на воздух? Не может быть!»

Вдруг сигнальный замахах красным флажком, стоящий в конце моста красноармеец засвистал в новенький свисток. Показались самолеты.

— Противник? — спросил Койшауров, останавливаясь и развевая рот.

Матвей хотел поторопить его. Но тот посмотрел на Матвея строго. Ни капли испуга не было в этих добнаженности черных глазах. То, что искал Матвей на мосту и чего не нашел, нашел

Вдруг сигнальный замахах красным флажком... Показались самолеты.

конструктор Койшауров. Перед Матвеем стоял другой человек. Он сказал:

— «СХМ» летят бомбить? Сегодня, кажется, вашим пушкам придется поработать. Вот тут-то я и докажу: мои выкладки были правильными!

В 05.15 немецкие ведущие танки прорыва атаковали наши противотанковые орудия на переднем крае оборонительной полосы.

В 5.30 Матвей и его спутники появились перед командиром, который оборонял этот участок. Это был молодой капитан, лет двадцати пяти, рослый, решительный, с повелительным и резким голосом. Удивленно подняв брови, он выслушал толковое разъяснение Матвея и сказал только:

— Генерал-лейтенант Горбыч позволил?

Помолчал и добавил:

— Отойдите пока в глубину командного пункта, а там увидим. Никифоров и конструктор отошли. Матвею казалось невероятным, что им все время боя придется стоять здесь, где ни пушек, ни снарядов, а только три землянки, радисты и телефонисты. Командир, видимо думая, что Матвей хочет дать разъяснение, почему конструктор, начальник цеха и сменный инженер должны проверять на передовых позициях работу противотанковых пушек, и не желая впутывать генерала Горбыча в это дело, спросил:

— А что ваш директор — депутат Верховного Совета?

Матвей понял его мысль. Улыбаясь, он сказал:

— Подобная комиссия — обычное дело. В гражданскую войну рабочие в Царицыне лнали пушки и тут же везли их на фронт про- бовать.

— Вот тебе и Царицын! — закричал вдруг командир и, схватив Матвея за шею, бросил его рядом с собой на землю.

Над командным пунктом, бреющим полетом, осыпая холм пулями, пронесся немецкий разведчик. Телефонисты устремились к пулеметам. Капитан, догадавшись, что местопребывание командного пункта открыто, а, может быть, и смущенный доводом Матвея, сказал связному, чтобы инженеров «СХМ» проводили на шестую батарею, добавив: «Быть там полчаса и закончить все изыскания».

Матвей, до колен измочив ноги росой, бежал какими-то канавками, пересек овраг, обогнул противотанковый ров, в котором упавший и сгоревший немецкий танк чадил, наполняя воздух смрадом горящего мяса, и, наконец, очутился перед часовым, который, выслушав сопровождавшего Матвея сержанта, указал им на пригорок, где, видимо, теперь и находилась шестая батарея.

Лейтенант, лежа на ящике и поддерживая голову рукой, смотрел вдаль на свежестоптанное и изрытое взрывами снарядами пшеничное поле, недавно, должно быть, жёсткое и плавное. Он не повернулся на голос Матвея, а только помахал левой рукой:

— Чего проверять? Какая там деталь? Вот они.

Койшауров спросил:

— Значит, деталь действует исправно?

Лейтенант отдал команду. Четыре пушки, одна за другой, выстрелили. Стоявший справа, в конце поля, высокий зелёный куст качнулся, взметнулся на дубы и вдруг лёг вверх брюхом, и тогда только Матвей понял, что это был замаскированный вражеский танк. Для лейтенанта это явление, видимо, не было удивительным, он не радовался потому, что уже десять минут назад он должен был сбить этот танк, но ему было приятно, что зрители-инженеры окнули и заговорили быстро-быстро, так что он не понимал их слов, и ему казалось, что они читают какие-то таблицы: уже полтора часа лейтенант был ранен в голову осколком снаряда и не желал покидать поста. Стараясь экономить силы, он лежал на ящике из-под снарядов и всё время смотрел вперёд: когда танки подпрыгивали на колдобинах, ему легко было находить расстояние и назначить прицел, и, несмотря на утреннюю дымку от испаряющейся росы, он отчётливо различал их плоскости и видел пушки. Он боялся только, как бы танки не прорвались в поле: там ровно — и они смогут развить большую скорость.

Лейтенант одну за другой выкрикивал цифры, подносчики подавали снаряды, из дула вырывался огонь, и Матвей хватался за фуражку. Ему приятно было, что пушки бьют так сильно и что такая мощная волна воздуха обдаёт его, приятно было также, что Никифоров и Койшауров, вынув какие-то таблички, засекали на секундомерах время и, глядя друг на друга, ждали выстрела.

Матвею хотелось подробно объяснить лейтенанту, зачем сюда приехали инженеры: «Орудия делают сверх плана, и вот, с целью ещё более успешного...»

Снаряд разорвался у края поля. Облачко, подхваченное ветром, понесло на дуб. Танк загорелся. Инженер посмотрел в расчёты. Лицо конструктора сияло счастьем: детали пригнаны великолепно, шкала рассчитана правильно!.. «Да, мы так и впредь будем поступать, — по всей видимости, хотелось сказать ему, — прямо с шумящего конвейера орудия увезут на фронт!»

Лейтенант вдруг повернулся к Матвею, и тот увидел широкое бледное лицо, лоб которого был окутан марлей с проступающими сквозь неё пятнами крови. Кривя это лицо, лейтенант закричал: — А, вы ещё... здесь?... Немедленно покинуть!.. Что, не видите: танки... Не видите... Уходите!

Стоявший справа высокий зелёный куст качнулся, взметнулся на дубы и вдруг лёг вверх брюхом, и тогда только Матвей понял, что это был замаскированный вражеский танк.

Он с трудом лёг обратно на ящик, и не помышляя, должно быть, что ему тоже пора покинуть батарею. Матвей повернулся к спутникам. Конструктор и инженер ничего не поняли.

Тогда Матвей сказал:

— Такое приказание надо исполнять! Пошли!

Никифоров шагнул к выходу. Конструктор же спросил:

— Куда?

— Домой.

— Позвольте! Но мы же не проверили действие машин на остальных батареях...

Матвей указал на край поля. Если он мог ошибиться и несмотря на его величину и звуки не узнавал танка, то пехоту он разглядел мгновенно.

Когда они побегали с пригорка и перепрыгивали канаву, чтобы скрыться в лесу, прикрывающем батарею, они услышали сзади звуки немецкого пулемёта. Матвей приказал ложиться. Метров триста катились они до леса, кувырком, роняя выкладки, портсигары, перочинные ножики и платки. По звукам справа и слева можно было понять, что наши пехотинцы время от времени кидались в атаку. Нестройное и быстро замолкавшее «ура» говорило об этом. Тогда отдельные выстрелы переходили в гул, который шире и дальше разливался по лесу.

Они бежали, прячась между деревьев, хотя прямо по ним уже никто не стрелял. Конструктор всё спрашивал:

— Противник? По моим...

Он хотел сказать «по моим пушкам», но язык не поворачивался у него.

Они выбежали к реке.

Немецкая артиллерия уже перенесла свой огонь на противоположный берег реки. Пузыри пламени и дыма, похожие на те, которые вскакивают в лужах, когда кончается дождь, наполняли лесок и всё выше и выше поднимались по скату. Матвей понимал, что если они сейчас не переберутся через реку, — полчаса спустя будет поздно. Несколько легко раненых красноармейцев показались среди дубов. Они напряжённо смотрели на откос, среди которого разрывались снаряды, разбегавшаяся металлические надолбы, выворачивая бревна, открывая пасти противотанковых рвов на берегу реки. Иногда в реку падал снаряд, от которого шел густой и, казалось, влажный дым. Наверное, немцы думали, что их пехота уже подошла, и они пробовали пускать дымовые снаряды.

— Ну, господа благослови! — сказал Матвей, прыгая в реку.

Вода была теплая, доходила до груди. Конструктор шёл, держась за подол его рубашки, а инженер Никифоров всё твердил: «Как же мы пойдем по откосу? Надо бы на мост». Глушый! Он думал, что и обратно его захватит какой-нибудь грузовичок.

— Рассуждения дурацкие! — закричал со злостью Матвей, тем более злая, что он упал в какую-то яму и ему пришлось кырнуть, дабы выплыть. — Поймите: мы пойдем по ходам сообщений!

Технический термин успокоил инженера. Он прибавил шаг.

Лесок по откосу был густо переплетён колючей проволокой. Поваленные деревья, кронами к реке, торчали на каждом шагу. Тропинки были скрыты, и появлявшиеся перед ними тревожное лицо красноармейца радовало их как хороший объектив, сквозь который отчётливо можно увидеть даль и то, что в ней творится...

Лесок гудел, трещал и, казалось, переламывался пополам.

— Ну отсюда и не выберешься! — простонал Никифоров. — Да и к тому же я серебряный портсигар, дар цеха, потерял...

— «Что за комиссия, создатель», — вдруг заел конструктор.

Матвей, удивленный, оглянулся на него.

Конструктор указал вперед. Лесок кончился.

Перед ними лежали длинные, словно нарочно растянутые как по линейке кусты смородины, одним концом упиравшиеся в стадион, а другим — в забор, который подходил к мосту. За кустами виднелись пожелтевшая зелень поляны и цеха.

Позади их слышались залпы орудий, лязганье и грохот.

Конструктор побежал налево, к заводоуправлению, чтобы пораздовать техническую часть благоприятными выводами комиссии. Инженер пошел было за ним, но, пройдя шагов десять, вернулся и сказал:

— Вы знаете, Матвей Потаныч, я, должно быть, уже пристрелялся. Не остаётся ли мне среди наших истребителей?

Матвей поглядел на его лицо, покрытое листьями, приставшими к поту, на его вытянутые вперед сухие губы, на всю его неуклюжую и неповоротливую фигуру — и стало смешно. Стараясь сдерживать себя, Матвей сказал:

— Вот что, Илья Ильич. Ступайте в цех! На всякий случай раздайте рабочим винтовки и проверьте, стоят ли в проходах пулемёты.

— Слушаю, — ответил инженер.

И Матвей понял: инженер умрёт, но не покинет цеха. Да, смеяться-то, оказывается, не над чем!

Матвей оглянулся. Там, где по его плану должны были стоять рабочие — истребители танков, — стояли с гранатами и бутылками красноармейцы. Рабочие занимали только верхний ряд окопов, у самых цехов. Майор Выпрямцев исполнил приказание генерала Горбыча: беречь заводские кадры. Матвей подумал: «Меня, значит, отправили с комиссией, чтоб я не бузил?» Впрочем, обсуждать приказание майора было некогда: пробежавший мимо раненый красноармеец сказал, что немцы рвутся к реке...

...Тогда же генерал Горбыч сказал в телефон фразу, которая стоила смерти многим тысячам немцев:

— Держитесь, немцев подпускайте ближе — и давайте такой огонь, чтоб помнила веки-вечны Германия.

ВОТ ЧТО ТВОРИТ ГИТЛЕРОВСКОЕ ЗВЕРЬЕ

Фотодокументы о преступлениях немецких захватчиков

Истерзанные тела наших братьев—бойцов Красной Армии, замученных немецко-фашистскими палачами на хуторе Вертячем, Сталинградской области, виселица на площади в Великих Луках, — вызывают к беспощадной, неумолимой мести.

Молча стоят бойцы у растерзанных трупов своих товарищей, и сердца их наполняются гневом и ненавистью к убийцам.

На этих фотодокументах запечатлен во всем своем злодейском облике разбойничий «порядок», установленный гитлеровцами во временно захваченных ими советских районах. Всюду, где ни ступает их нога, льются потоки советской крови.

Придет время, а оно не за горами, и немецкие мерзавцы понесут заслуженную кару за все свои преступления. Убийцы и душегубы получают полной мерой за все муки советских людей, за слезы осиротелых матерей и детей, за многие тысячи замученных и загубленных военнопленных и мирных граждан.

Сильнее удары по гитлеровским насильникам!

Смерть немецким оккупантам!

ИТАЛИЯ ПОД БОМБАМИ

«НЕОБЫЧАЙНЫЕ ВРЕМЕНА»

«Мне приходится выступать в необычайные времена» — с такой фразы начал 2 декабря свою речь Муссолини, сбивчиво и путанно объясняя тяжёлое положение, в котором очутилась итало-немецкая коалиция.

Времена — подлинно необычные. «Луче» рассчитывал в 6 недель окончить войну и захватить лёгкую добычу. Прошло 30 месяцев — в 20 с лишним раз дольше срока, облюбованного Муссолини. Первый счёт уже подведён. Война уже привела к тому, что итальянская колониальная империя расцелась как мираж в Западной пустыне. Теперь настает очередь самой метрополии.

«Необычайные времена» — это первое настоящее ознакомление вытянутого с севера на юг итальянского «сапога» с разрушительным действием британской и американской авиации. Систематические воздушные рейды на Италию начались в ночь с 22 на 23 октября, с налёта крупных авиационных соединений на Геную; сброшено было много фугасных бомб весом в 2 тысячи килограммов, за которыми последовали «визитные карточки» весом в 3,5—4 тонны. Напомним, что начало этих налётов совпало с наступлением 8-й британской армии против войск Роммеля в Египте, у Эль-Аламейна.

ПРИЦЕЛ — В СЕРДЦЕ

Удары авиации наших союзников уже испытали десятки итальянских городов — на севере, на Апеннинском полуострове, на островах Сардиния и Сицилия. Вся Италия между Лигурийским и Адриатическим морями «простреливается» с воздуха. Но сила главного удара приходится, и не случайно, на треугольник Генуя — Турин — Милан. Этот треугольник является подлинным сердцем итальянской военной промышленности.

В Генуе, городе с населением в 615 тысяч жителей, расположенном в глубине залива, который носит ее имя, сосредоточены (мы называем лишь крупнейшие, особо важные предприятия) заводы Ансальдо, производящие локомotive и все виды тяжелого вооружения, включая крупнокалиберные орудия. Предприятия Ансальдо растянулись на 25 километров вдоль побережья. Здесь же расположены верфи Терни — Озеро-Орландо.

Милан в огне. Снимок сделан с самолёта во время одного из налётов английской авиации. Пламенем объят крупнейший промышленный район Милана.

П. ВОЛЫНСКИЙ

судоремонтные заводы, сталелитейные заводы Сестри Ильва, авиазаводы Пьеджидо, производящие 4-моторные бомбардировщики, и, наконец, крупнейший завод точной аппаратуры фирмы Сан Джорджо.

Генуя — большой аэропорт и морской порт, центральный пункт переброски войск и военных материалов из Германии и Северной Италии для армии Роммеля.

Расположенный на реке По Турин, второй по значению промышленный центр Италии с населением в 630 тысяч человек, — резиденция известной фирмы Фиат. Здесь находятся ее главные автомобильные, тракторные и танковые заводы, занимающие площадь в 25 тысяч акров. На туринских предприятиях Фиат занято 50 тысяч рабочих. Известны также туринский завод транспортного оборудования Ланчия, химические заводы концерна Монтекатини, туринские предприятия искусственного шелка. Итальянский королевский арсенал и большой аэропорт Турина также входили в число объектов бомбежки.

Третий угол треугольника — Милан, город с населением в 1120 тысяч жителей, самый крупный промышленный, финансовый и торговый центр страны, узловой пункт 11 железнодорожных линий, в том числе самой короткой магистрали, ведущей из Германии к портам Италии.

В Милане сосредоточены: сталелитейные заводы Бреда, производящие все виды оружия, включая тяжелые орудия; сталелитейные заводы Ломбарде Фальк, авиазаводы Капрони, моторостроительные заводы Изотта-Фраскини, заводы тяжелого машиностроения Оффичини Механике и Мото-Механика, кабельный завод Пирелли, предприятия синтетического каучука, заводы Магнето-Морелли, производящие все виды электрооборудования, аккумуляторный завод Ханс-есберг, многочисленные текстильные фабрики.

Американская авиация успешно бомбила Неаполь — город с населением в 875 тысяч человек. Здесь расположены артиллерийские заводы, большие верфи. Неапольский порт — лучший в Западной Италии, и Муссолини поспешил перебросить сюда, по сообщениям английских газет, главные силы итальянского военно-морского флота, базировавшегося из Таранто.

ДНЕМ И НОЧЬЮ

Специальный корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост» описывает рейд британской авиации на Милан. Операция, начатая с утра, протянулась до глубокой ночи. Начали ее бомбардировщики дальнего действия «Ланкастер» — тремя волнами, по несколько эскадрилий, в сопровождении истребителей, — поднявшиеся с аэродромов Англии и проделавшие в оба конца 1500 миль (2400 километров).

Над Ламаншем шли низко, над самой водой. Без единого выстрела пересекли французскую береговую линию, воздушная армада шла над Францией на высоте 15 метров. Жители приветственно махали нам вслед поднятыми руками, дети показывали пальцами знак «V». Мы шли так низко, что стада овец и коров разбегались, испуганные грохотом моторов и видом мчащихся машин.

Над Альпами пришлось набрать высоту до 3 тысяч метров, затем мы спустились до 1200 метров и вскоре увидели под собой, в просветах между облаками, миланский вокзал. Мы начали с него, сбросив бомбу в 2 тысячи килограммов.

Нам сразу бросилось в глаза, что противовоздушная оборона была застигнута врасплох. В воздух поднялся всего один-единственный итальянский истребитель, но он быстро ретировался.

Так рассказывал корреспонденту один пилот, незадолго перед тем участвовавший в налёте на французские военные заводы Шнейдер-Крезо, а теперь совершивший свой 147-й боевой вылет.

«Был завод — нет завода», — кратко сформулировал действие своей 2000-килограммовой бомбы пилот другого «Ланкастера».

Бомбежка производилась некоторыми самолётами с высоты меньше 250 метров, каждый объект лежал как на ладони.

«Когда наша бомба ударила в цель, нам показалось, что завод подпрыгнул и взвился нам навстречу», — рассказывал третий пилот.

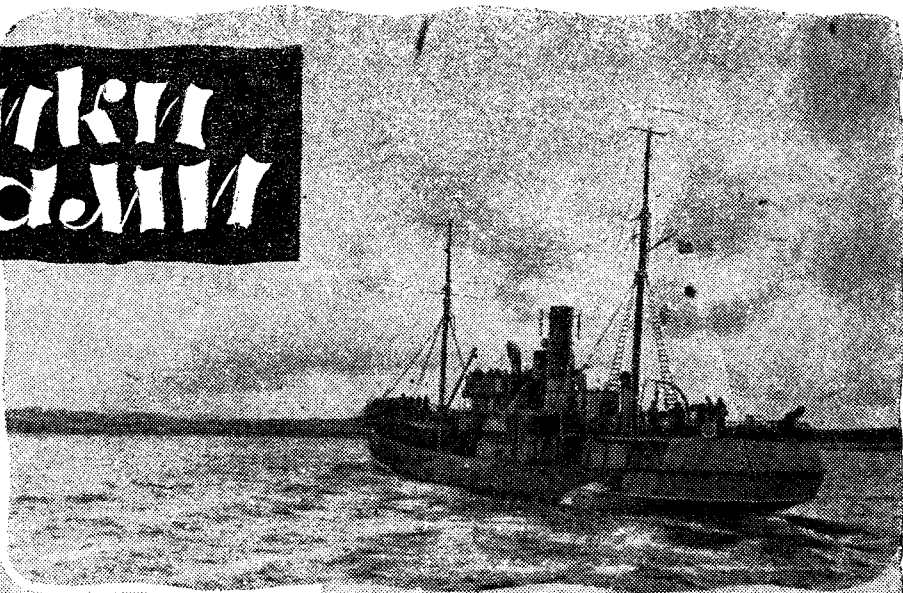
В своё время итальянские фашисты чванились тем, что их авиация совместно с немецкой совершала налёты на Англию. Итальянские фашисты принимают участие в грабительском походе гитлеровских бандитов на нашу страну. Теперь для гитлеровских вассалов приходит возмездие — на Апеннинском полуострове.

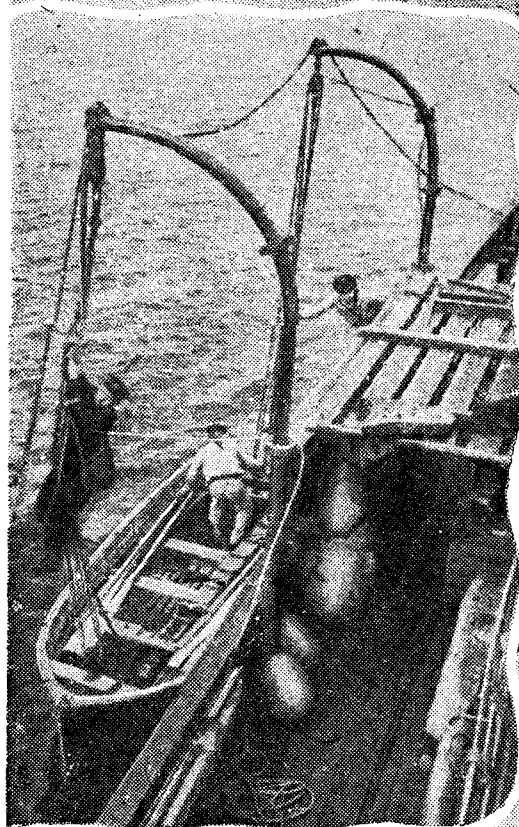
Группа английских лётчиков, принимавших участие в бомбардировке Милана. Возвратившись после удачного полёта, они оживленно обмениваются впечатлениями.

Охотники За минами

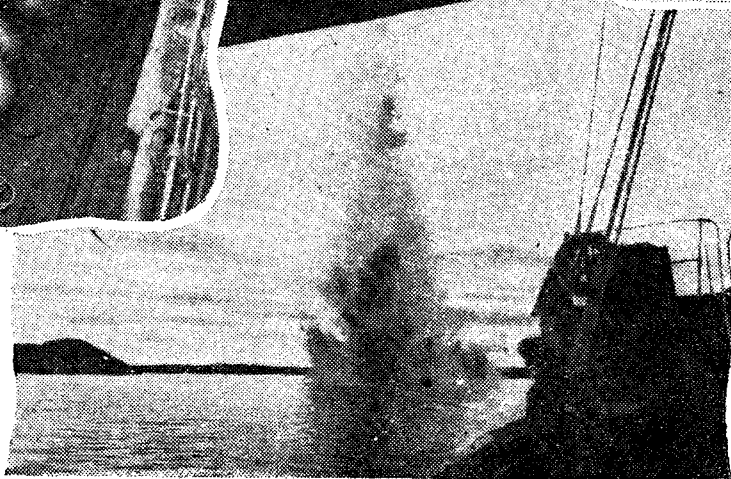
Десятки фашистских транспортов и военных кораблей лежат на дне наших северных морей. Советские моряки уничтожают немцев не только в наших водах, но и у вражеских берегов. Враг заминировал воды, расставил ловушки, стальные сети. Путь нашим боевым кораблям расчищают тральщики. Днем и ночью бороздят они море в поисках вражеских мин. Опасна и трудна работа минеров.

↑
Сигнальщики неотрывно наблюдают за морем: не появился ли где-нибудь на поверхности хорошо знакомый шар? Вот недалеко от скалистого побережья Баренцова моря обнаружена плавающая немецкая мина.

↑
Звучит на тральщике команда: «В шлюпку!» Краснофлотцы-подрывники быстро спускаются по тросу и занимают места в шлюпке. Все приспособления, необходимые для подрыва мин, проверены, и шлюпка отходит от тральщика.

↑
Шлюпка подплыла к вражеской мине. Перегнувшись через корму, главный старшина В. Балашев закрепляет подрывной патрон. Восемьдесят мин взорвал уже старшина Балашев. Он награжден медалью «За отвагу».

После того как закреплен подрывной патрон, краснофлотцы поджигают шнур. Проходят секунды, и эхо взрыва раздается над волнами. В воздух взлетают осколки мины — и «плывущая смерть» уже не страшна.

← Фотографи: Е. Халин (ГАС)

Илья ЭРЕНБУРГ,
лауреат Сталинской премии

В 1943 году буду работать, отдавая все силы воле и победе.

Илья Эренбург

А. ТВАРДОВСКИЙ

Весной 1942 года я стал издательству «Молодая гвардия» книжку стихов «Юно-Западный фронт» — итог почти годичной моей работы в качестве специального военного корреспондента газеты «Красная Армия». Основное

ядро этой книжки составля- ют «Баллады». Все лето — с перерывами для поездок на фронт — я писал «Василия Теркина» — «Книгу про бойца — без начала, без конца» (Витали- нне). Книга эта пахнет вы- ходом из печати.

1943 год будет годом новых водитов героя поэмы, новых испытаний и трудностей, к которым ему уже не привыкать. Я уверен, это попрежнему будет тот же Теркин: конту- ренный, Да здоровый и жирный.

А. Твардовский

Ник. АСЕЕВ

К новому, 1943 году я при- ходжу, во-первых, с очень бо- странным сознанием ответ- ственности перед читателем-героем — защитником и патри- отом своей родины. Это чув- ство, естественное во всякое время для писателя, сейчас с особой силой является мною

при работе над каждой стро- кой каждого стихотворения. Ни одного лишнего слова, ни одного образа, хотя бы и красивого, но не соответ- ствующего той внутренней правде, которой живет и ды- шит весь мой народ, не хо- чу и допустить в свои сти- хи. Ни одного стертного вы- ражения, тирафета, штампа, которые мертвят душу и чувство, не хочу я дать чи- тателю. В этом моя задача и мой долг перед родиной.

К печати мной подготовле- ны стихи именно такого ро- да, тщательно отобранные в сборник «Будни войны». Из шестидесяти написанных за истекший год стихотворений для сборника я отобрал толь- ко шестнадцать. Они пропе-

ренны на различных аудито- риях: большую часть из них я напечатал во фронтовых газетах — и только одобрен- ные бойцами и командирами, нашедшие себе отклик в сер- дцах читателей войдут в книгу.

Мною закончены три по- эмы: «Победа впереди», «Ве- ремена меняются» и «Кама» — поэма об эвакуации. С эти- ми вещами я вступаю в но- вый год.

Ник. Асеев

Л. КАСИЛЬ

В начале 1943 года думаю закончить цикл рассказов о моряках Северного морского

флота и две повести: «сын своего отца» для ребят сред-

него возраста и «Юни состро- ва Вадвама» для юношества. Кроме того предлагаю закон- чить вторую часть повести «Великое противостояние», пер- вая часть которой вышла до войны.

Самая всезнающая действитель- ность наших дней продиктова- ла мне эти книги.

Лев Кассиль

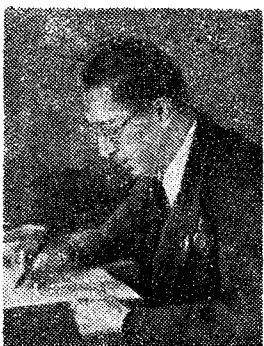
Б. ЛАЗРЕНЕВ

В течение истекшего года я написал серию новелл о моря- ках военного флота, о простых русских людях, сражающихся за свою родину, героях и па- триотах. Эти повеллы — общим количеством двенадцать — со- ставили книгу «Люди простого сердца», выходящую в Госиз- датате. Часть новелл вынужде- на Военмориздатом в «Библио- течке красной флотии».

«Молодая гвардия», Военмориз- дат и Военмориздат выпустили мою брошюру о героине Сева- стополя — снайпере Людмиле Навлеченко. Брошюра пере- ведена на английский и другие языки. Она опубликована в Америке и Англии.

Заканчиваю повесть о Сева- стополе — «Кипита крепости».

В новом году хочу написать большую повесть о подводни- ках Северного флота, а также

повести о судьбе пленных в отеч- ественной войне, назову этого себе активное место в жизни благодаря любви, вниманию и заботе советских людей.

Худу продолжу работу над новеллами, число которых хо- чу довести до пятидесяти.

Б. Лазренев

Вс. ИВАНОВ

С начала года начал нача- таться мой новый роман — «Ма- тася Косарева», названный так по имени главного героя. Бо- ждан — стханович, крупный во- зовод и областный герой Рос- сии, зачисляется от немцев. Описывается лето и осень 1941 года — начало войны. С винтовкой в руке на фронте, у станка в ближайшем тылу рабочее занома отстаивают свою страну с мужеством по- разительнейшим. Геройству простых советских людей, их труд и борьбу, их роству и посвящен мой роман.

Сейчас и работаю над двумя темами.

Первая — сценарий «Хлеб», о том, как Узбекистан, где я провел несколько месяцев, из- республиканской, патристической

хлеб, протравился и республи- кану, произведенный хлеб, не оставили, конечно, и прерванной своей специальности — хлопков и шток. Стахановцам узбеки- станских полей, героям труда, посвящена эта моя работа.

Вторая — биография Героев Советского Союза. В частности заканчиваю биографию Героя Советского Союза капитана гвардии П. Сибирева. Работа эта очень увлекательная и по- значительная. Вплоть замеча- тельнейших людей ставлю, узнаю о подвигах, которых нет равных на свете, знако- мившись со скромнейшими и превосходнейшими советскими человеком, несущим и волю- нтаризмом победу над фашизмом.

Собираю я также материал для приключенческо-фантасти-

ческого романа «Сокровища Александра Македонского». В легкой и увлекательной форме романа приключений мне хо- чется познакомиться ближе юно- шество с древней культурой Греции, с современными воз- зрениями на нее, с современ- ным состоянием археологии — советской и зарубежной. Дей- ствие романа происходит в Средней Азии, там, где Не- каидер двурогий бился с вой- сками скифов.

Под романом «Сокровища Александра Македонского» и буду работать в начале 1943 года.

Вс. Иванов

Л. СЛАВИН

До сих пор за время войны я написал, помимо большого числа фронтовых корреспонден- ций, повесть «Моя земля».

лю и оживающую повесть «Ве- сти излучного сердца».

Конст. СИМОНОВ,
лауреат Сталинской премии

В будущем году, как и в этом, мои основные планы сводятся к тому, чтобы ко- рреспонденту в качестве военно-

го корреспондента «Красной звезды» стараться увидеть, самое интересное и значи- тельное из того, что происхо- дит на фронте, и в своих во- енных корреспонденциях дать об этом представление возмож- но, более широкое читателю. Кроме того и хочу в течение зимы — весны написать вторую книгу, литературного дневника — «С тобой и без тебя».

К. Симонов

Леонид СОБОЛЕВ

Глубоко верю, что в насто- ящем, 1943 году хол вели- кой отечественной войны под- скажет мне тему самой луч-

шей, самой радостной моей работы. В ней будет расска- зано о том, как Красная Ар- мия и Военно-Морской Флот рогают на запад окончательно разгромленные полчища фа- шистов.

Л. Соболев

Сейчас заканчиваю повесть об обороне Москвы в зиму 1941 года.

В дальнейшем предлагаю написать роман на основе на- бросков, накопившихся за время великой отечественной войны.

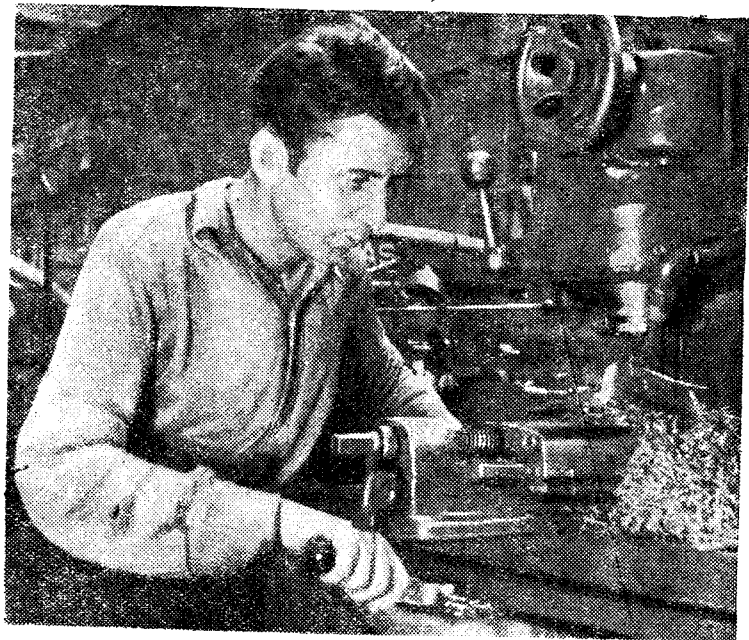
Наряду с этим буду продо- жать свою повседнежную ра- боту военного корреспондента из действующей армии.

Л. Соболев

Уральцы

Богатейшая сокровищница Советского Союза — могучий Урал за полтора года великой отечественной войны превратился в грозный военный арсенал нашей страны. Все свои природные дары, всю свою гигантскую мощь отдает Урал для победы над врагом. Уголь и руду, нефть и химию, чугун и сталь, тяжелое и легкое машиностроение — все дает Урал фронту.

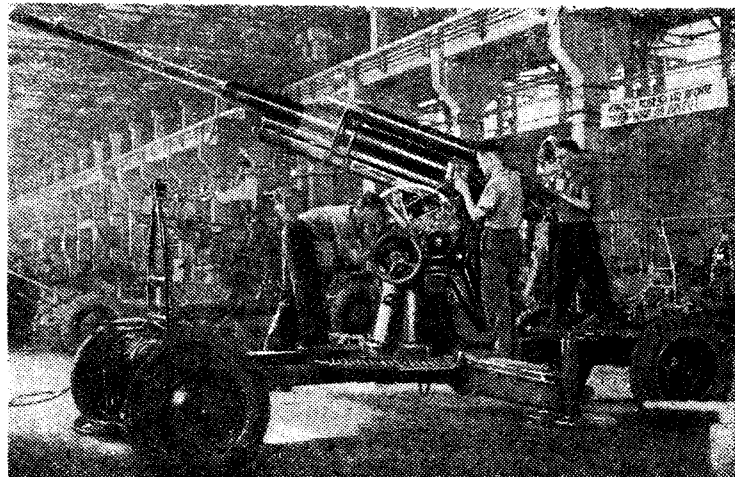
Год назад уральцы обратились к товарищу Сталину с письмом, в котором клялись увеличить вдвое, втрое выпуск продукции, давать фронту все больше и больше вооружения и боеприпасов. Свою священную клятву патристы Урала сдержали. Непрерывным потоком движутся на фронт эшелоны с танками, самолетами, пушками, минометами, автоматами. Бойцы Красной Армии дают высокую оценку уральским пушкам и танкам, пулеметам и автоматам. Знает им цену и враг, испытавший на своей шкуре грозную силу выкованного уральцами оружия.

Люди Урала — чудесный, упорный, непоколебимый народ. Урал дал стране лучших стахановцев промышленности, смелых новаторов производства. Здесь, на одном из заводов, работает известный всей стране фрезеровщик лауреат Сталинской премии Дмитрий Филиппович Босый.

Василий Иванович Сосунов — один из виднейших мастеров Первоуральского завода. За самоотверженную работу правительство наградило его орденом Ленина.

↑ Сборка зенитных орудий заканчивается. Скоро они будут отправлены на фронт и в умелых руках наших зенитчиков-артиллеристов заговорят грозным для врага языком.

← Знатный меделлавильщик, скоростник Тимофей Матвеевич Степайкин, удостоенный высокой правительственной награды — ордена Ленина.
Фото Я. Бродского.

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА

5. НОРТОВА ДЮЖИНА

Через два дня Швейк уже совершенно обжился в заведении доктора Киришаума и чувствовал себя как дома. Так как он ни разу не попытался откусить нос санитару или лаять, стоя на голове, и вообще не позволял себе тех маленьких вольностей, которыми отличались остальные обитатели школы, для него был установлен облегченный режим. Доктор Киришаум чувствовал к нему непреодолимую симпатию, так как видел в нем единственного сумасшедшего среди десятков симулянтов. В итоге brave солдат запросто заходил во все палаты, вел содержательные беседы с ненормальными, получал улучшенный паек, — словом, был в привилегированном положении.

В это утро, как каждый день, Киришаум, встретив Швейку, ласково улыбнулся ему и спросил:

— Ну-с, как мы себя чувствуем?

— Осмелюсь доложить, господин доктор, великолепно, — жизнерадостно ответил Швейк. — Я здесь чувствую себя так, как будто приехал в отпуск в Берлин. Для полного впечатления не хватает только воздушных бомбардировок. А что касается патристических чувств, так тут даже лучше. Ведь в Берлине мне едва ли удалось бы встретить нашего обожаемого фюрера, господина Гитлера, а здесь я каждый день вижу тринадцать штук, чортову дюжину, и все такие же сумасшедшие.

— Те-с-с, — испуганно остановил его доктор, — вы, надеюсь, понимаете, что все они совершенно нормальны и только симулируют сумасшествие.

— Ах, вот что! — разочарованно протянул Швейк. — Ну, если они нормальные, тогда фюреров из них, конечно, не получится. Между прочим, интересно, почему все современные немецкие маньяки чаще всего воображают себя именно господином Адольфом Гитлером? Я думаю, это происходит просто от необразованности. Истории они не учили, с искусством незнакомы и вообще никакого действительного великого не знают, вот им и приходится довольствоваться малым.

Доктор Киришаум слушал Швейку, одобрителем кивая, и, когда тот кончил, удовлетворенно отметил:

— Недержание речи. Так, так. Теперь мне все ясно.

И, записав что-то, Киришаум поспешил на утренний обход в третью палату. Он торопился, так как через полчаса должна была явиться отборочная комиссия. Швейк увязался за ним.

В третьей палате содержались тринадцать пар усов бабочкой, тринадцать свисающих чубов, тринадцать истерических глоток. И хотя усы располагались под ногами самых различных форм — от древнеримского до ультракурносого, хотя цвет чубов колебался между прелесоломенным и густоворонным, каждый из обитателей уверял, что именно он и есть Адольф Гитлер, единственный и несравненный. Между тем Гитлеры вообще не отличались оригинальностью. Шестеро из них с утра до ночи нудно маршировали, принимая воображаемые парады, требовали, чтобы санитары

(Часть вторая)

М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунок О. Верейского.

орали им «хайль», и сами что-то выкрикивали не настоящими, обезьяньими голосами.

Четверо других Адольфов были попросту воры с завидующими глазами. Свихнувшись от жадности, они вообразили себя фюрерами, очевидно, потому, что их привлекала возможность безнаказанно хватать все, что попадется на глаза.

Одиннадцатый Гитлер, лысеющий болван в пилотке, напыленной поперек головы, отличался тем, что от трех до пяти часов вечера был по совместительству Наполеоном.

За последние два фюрера представляли незаурядный интерес.

Адольф Двенадцатый, в прошлом оберлейтенант Данкель, считал себя повелителем уже завоеванной земли и разрабатывал дальнейшие наступательные операции. Киришаум и Швейк застали его у карты звездного неба, которую трудолюбивый Адольф нарисовал на стене остатками от обеда. В центре карты помещался аккуратно выполненный киселем земной шар, перекрещенный рельефной свастикой из картофельного пюре. Три грозных шавелевых стрелки шли от него к луне и злоюще охватывали клещами беззащитного спутника.

— Мой план гениально прост, — пояснил Данкель. — Объектом нашего дальнейшего наступления будет луна. С минуты на минуту я жду послеслов оттуда и подпишу с ними мирный договор сроком на 2 тысячи лет. Подписание договора будет сопровождаться трехдневными праздниками. В течение этих трех дней две воздушные армии после предварительной бомбардировки высадят на луне десанты, которые начнут наступательные операции...

— Хайль! — вдруг гаркнул Швейк и, мелко дрожа, вытянувшись «смирно».

— Что с вами? — спросил Киришаум.

— Осмелюсь доложить, господин доктор, — осласливо оглаживаясь, прошептал Швейк, — судя по тому, как он говорит, это настоя-

щий фюрер, и вам может сильно влететь за то, что вы его держите в сумасшедшем доме.

— Не бойтесь, — успокоил его Киришаум, — вы же видите, что он блондин. Его настоящая фамилия Данкель.

— Это верно, — облегченно вздохнул Швейк, — по масти он не подходит. Но все-таки лучше пойдем к тому старичку, а то я боюсь, что этот начнет кусаться.

Адольф Тринадцатый, который привлек внимание brave солдата, что-то быстро писал, примостившись у окна.

— Ну, как, Адя, — фамильярно обратился к нему Швейк, — все пишешь? Законы сочиняешь?

— Одну минутку, я сейчас вас приму, — сказал последний Гитлер и, поставив точку, отложил рукопись. — Вас, должно быть, интересует моя работа над второй частью книги «Мейн кампф». Я как раз закончил вторую главу, где я расширяю понятие о расовом учении. Пора заявить всему миру, что отныне расовое деление вводится среди животных и растений. На земле должны произрастать только арийские цветы, злаки и деревья. В лесах должны ходить северогерманские животные. Все неарийские растения объявляются неполноценными и вырываются с корнем. Я, кстати, уже вырвал из кадушки пальму в коридоре.

— Это гениально! — воскликнул Швейк. — Пальма — низшая раса, а дуб, — безусловно, чистый ариец. Интересно вот, как вы будете делить животных, скажем, овец? Ну, немецкая овчарка — это дело ясное, а остальные?

— По рождению, по районам распространения...

— Нет, нет, это слишком сложно, — возразил Швейк. — Я много занимался собаками и считаю, что лучше всего делить их по фамилиям. Шпиц, например, — немец. Даже фон Шпиц, Сен-бернар, Бульдог, Доберман-пинчер, — безусловно, не арийцы. В каждом городе организуется гетто, где будут жить «унтерхунд» — недособаки. Они будут носить на ушах специальные повязки и рыскавать блох у шпицев. Скрещивание высших пород с низшими является смертной казнью как для провинившихся животных, так и для хозяев. Осмелюсь доложить, господин доктор,

честное слово, этот проект надо немедленно отправлять в Берлин, ему там цены не будет...

— Идемте, идемте, — прервал его Киришаум, — комиссия, конечно, уже ждет. Я хочу показать вас первым.

И он почти силой выволок Швейку в коридор.

— Ну, как вам они понравились? — спросил доктор.

— Осмелюсь доложить, по-моему, очень похожи, — неопределенно ответил Швейк, следуя за доктором в бывшую учительскую, где заседала отборочная комиссия во главе с комендантом доревни Крушининой. Когда brave солдат увидел оттопыренные уши и прыщавый лик коменданта, глаза его наполнились слезами умиления и с криком: «Боже мой, как я рад вас видеть!» — Швейк бросился обниматься.

Комендант не оценил этого порыва и, решив, что имеет дело с буйнопомешанным, поспешил полез под стол.

— Ну, как, Адя, — фамильярно обратился к нему Швейк, — все пишешь? Законы сочиняешь?

(Продолжение следует.)

Московские дни

НАТАША

ТАТЬЯНА ТЭСС

В комнате у истопника сидела девочка, которой я не знала. Я принесла истопнику для вощинки горелку от газовой плиты; у него были золотые руки, какие бывают у русских людей, и над каждой весной, которую ему приносили для вощинки, он мурлыкал с удовольствием, с любовью, и по лицу его было заметно такое удовольствие, как будто он, в это время сладкое.

Истопник был стариком с седой головой и седыми от седины усами, только брови у него почему-то были черные и густые, как у грузина. Когда он говорил, то повел бровями и приподнимал брови, у него всегда подымалась вывеска левой. Он был добрый и философ и очень любил порассуждать, особенно о политике. Был он один, но в комнате у него была та недвигательная опрятность, какая бывает у человека, давно привыкшего к своему одиночеству.

Девочка, которой я не знала, сидела на полу, на старом, простом, но глянце льняном. На вид ей было лет пятнадцать. Сидя на полу, она рисовала по льняному меду, как если бы это была грифельная доска.

— Вот сюда выходило окно моей комнаты, — говорила девочка, не выходя, и рисовала на полу маленький четырехугольник. — А вот здесь была большая круглая казуба, на ней росли флоксы. Это многолетние цветы, они сами вырастали каждый год. У нас были белые флоксы и лиловые.

Тут девочка рисовала кружок и по середине его — много маленьких звездочек, изображающих флоксы. Потом она провела две линии и в конце их нарисовала мелкую сетку.

— Здесь была женская плещадка, — объяснила она.

— Понятно, — сказал истопник и пошевелил бровями. — Отсюда был ход на нашу террасу, — сказала девочка, нарисовала ряд палочек и вокруг каждой палочке нарисовала спиральную линию. — Девки винограду, — сказала она тихо, и глаза у нее стали очень грустными.

На девочке была надетая ватная куртка, такую носят рабочие, на ногах ее были широкие, но не ее размеру башмаки. У нее были большие, красивые, загрубевшие руки — руки человека, занимающегося физическим трудом, но в тонком лице ее, и манере, с которой она держала мех и рисовала, и наклоном головы и очертаниям лица было нечто такое, что заставляло представить себе скорее за родеком, нежели за станком. Опустив голову, она рисовала сейчас на полу квадратик, потом прорубила в нем одно и принялась расставлять вдоль сторон квадрата завиточки.

— Что это, Наташа? — спросил истопник.

— Это комната, в которой жила мама, — сказала девочка и вдруг стерла графкой все, что было нарисовано на полу, и встала. Губы у нее дрогнули, не глядя ни на кого из нас, она коротко сказала «до свидания» и пошла к дверям.

— Приходи, Наташечка, — сказал ей вслед истопник, но девочка уже не слышала и ничего ему не ответила.

Сквозь окно было видно, как она, валяющаяся, и засунув руки в карманы ватника, бежит через двор по заснеженной снежной тропе.

Истопник хотел что-то сказать, но только откашлялся и вздохнул. По всему лицу его и даже по бровям, которыми он сейчас нехотя, была разлита забота, сдержанное и что-то еще, что делало его лицо с торжествующим стариковским усмешкой добрым, как у выжики. Он еще раз вздохнул так громко, что раздался у него на голове волос, и открылся к окну.

— Чьи это девочка? — спросила я тихо.

— В том-то и дело, — сказал истопник и махнул рукой. — В том-то и дело, — повторил он с силой, — чего с детьми делают, чего делают, господи ты боже мой!

Наташа была дочерью крупного инженера по фамилии Благоволитов. Насколько можно было понять из рассказа истопника, это была семья дружная, веселая, жила в ней очень складно. Родители Наташи были людьми молодыми, ее баловали дочери, но очень любили ее той ровной любовью, которая любит раннего и удачного ребенка. Вместе с отцом и матерью Наташа ходила на лыжах, играла в теннис; они любили друг друга, как нежные друзья, как веселые и близкие товарищи; у Наташи была своя китка в доме — ее называли почему-то «полковника».

У Благоволитовых была дача, отличная дача с цветником и теплицей, и палаткой, с большим, удобно обставленным компотом. Отец Наташи любил дома что-либо мастерить; в комнатах стояли громадные зажимки, которые надо было крутить за ручки, чтобы они зажимались, из кабинета отца в Наташе был проведен телефон домашнего производства, антенна на крыше была такой величины и таких необыкновенных очертаний, что ее называли в доме «Биффелевой башней».

Когда началась война, отец Наташи в первые же дни погиб на фронте. Повзрослев, Наташа была невозможна. Наташа ходила по даче, из одной комнаты в другую, везла лежачий вагончик, на столе лежала его трубка; Наташа крутила ручку вагончика, зажимала вагончик, вагончик не работал, Наташа смотрела на него, потом задвигала и снова крутила ручку, — и так до тех пор, пока не приходила мать и, взяв Наташу за руку, уводила ее из комнаты. И Наташа говорила ей громко, так громко, что обе они пугались ее голоса:

— Этого не может быть, мама.

Город, где жила Наташа с матерью, начали бомбить, бомба попала в их дачу. Целым на даче остался только забор с надписью: «Простит виноваты. Но дворе собак». На рассвете Наташа с матерью поехали по городу, пробравшись к заводу, где работал отец. Из немецкого самолета улицу обстреливали — мать Наташи была убита.

Всё это произошло быстро, так быстро и ужасно, что казалось дурным сном. Наташа окликала себя по имени, чтобы проснуться. Она говорила так, как называл ее отец: «Полковник!» В Москве, в детском доме, куда ее привезли, она кричала ночью: «Полковник!» Потом она притихла и стала вялой и спокойной. Из детского дома ее забрала к себе простая женщина, у которой было трое своих детей. Наташа так же вяло и спокойно пришла в чужой дом. Она очулась только тогда, когда женщина вечером обняла ее, прижала ее стриженой голове к своей большой, доброй груди и сказала ей что-то страшно ласковое, что-то, чего Наташа даже не воняла и не услышала толком, но вдруг задвинула, заблудилась и в первый раз при всех заплакала.

В семье жила беднота, и Наташа решила пойти работать на завод. От отца она унаследовала любознательность, точность и движения, любовь к технике. Работать на заводе было тяжело. Тяжелы были и ранние вставания, и непривычный труд, и холод в цехах. Но Наташа привыкла быстро — быстрее, чем сама могла подумать. Ей помогал интерес к работе и внутреннее упрямство, которое запрещало ей уступить усталости. Она почувствовала себя нужной и ухватилась за это всем сердцем, и не отпустила от себя этого чувства, как толстый человек не выпускает из рук хлеба, который ему дали.

С истопником Наташа подружилась и часто приходила к нему. Придя, она иногда оживлялась и рассказывала ему об оперном театре в их городе, о концертах, о поездках с матерью на курорт. Потом, сев на пол, она принималась рисовать. Она рисовала горы и озера Кавказа, море, водоемы, дома отдыха. Потом она начинала рисовать дачу и грустила все больше, вдруг умолкала и долго сидела молча на полу.

— Полковник... — сказал истопник и покачал головой. — Помирать будут, будут забить все само. За детей малых, за все, что стелал ват с детства нашей, боже ж ты мой, не будет само пощады. От самых крепких, от самых добрых — и до этих, пощады не даст.

Лауреат Сталинской премии композитор Дмитрий Шостакович просматривает американские газеты с сообщениями об исполнении его произведений в США и ноты песни «Объединенные нации».

Фото М. Сироткина.

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ ЗА РУБЕЖОМ

«ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ»

Музыка Дм. Шостаковича.
Текст Гарольда Рома в переводе
Н. Кулаковского и Г. Кнаба

И солнце и звезды ответят
Той песне, что землю ведет
К суровой борьбе и победе
И к миру, который грядет.

Припев:

В боях союз наш выкован,
Друзья, вперед!
Того, кто смело борется
Победа ждет.

2

И там, где фашистская нечисть
Сегодня Европу гнетёт,
Расправив могучие плечи,
Восстанет свободный народ.

Припев:

3

Так верно, как солнце восходит,
Как в море потоки бегут,
К добытой отцами свободе
Счастливые дети придут.

Припев:

Есть песни, которые поёт весь мир. Мелодию такой песни можно услышать и в лондонских джампах и в ньюйоркском метро. Ее слышит солдат в походе австралийский солдат, ее распевает ребята на улицах Чикаго. Она приглушённо звучит в затёмнённых казармах оккупированной Европы.

К числу таких мелодий относятся песни советских композиторов: «По долинам и по взгорьям» в обработке А. Александрова, «Песня о родине» — И. Дунаевского, «Полковник» — А. Княппера, «В бой за родину» — З. Копиленца, «Тачанка» — К. Листова и другие.

Интересна судьба «Песни о встрече» Д. Шостаковича. Эта песня — из кинофильма «Восточный» — получила громадное распространение за границей ещё в 1936 году. Она была переведена на множество языков и пелась во Франции, США, Англии, Китае.

Недавно американский поэт Гарольд Ром написал к этой мелодии новый текст, отражающий борьбу объединённых демократических стран против гитлеризма. «Объединённые нации» — так называется теперь эта песня, изданная в США с новым текстом в тысячных тиражах. Она записана на граммофонную пластинку и ежедневно передается по американскому радио.

Не преувеличивая можно сказать, что песня «Объединённые нации» пользуется в Соединённых Штатах Америки необычайной популярностью. Советскую музыку, в частности произведения Д. Шостаковича, знают и ценят в США.

Рецензент газеты «Уошингтон стар» пишет: «Меню предсказывать, что Шостакович завоюет себе этой песней более широкую популярность, чем любым своим крупным оркестровым произведением, ибо эта песня обладает силой и ритмом, которые создают подлинный боевой военный гимн».

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщает, что после исполнения песни «Объединённые нации» аудитория потребовала ее повторения и зашумела во второй раз, стоя, как слышат национальный гимн».

Обложка песни «Объединённые нации», изданной в США. Музыка Дмитрия Шостаковича.

Театр • Кино • Музыка.

ПЬЕСА «ФРОНТ» НА СЦЕНАХ СТРАНЫ

Пьеса лауреата Сталинской премии Александра Корнейчука «Фронт» с большим успехом поставлена во многих городах нашей страны. На снимках: слева — сцена из пьесы «Фронт» в Калининском областном драматическом театре. Справа: спектакль «Фронт» в постановке Киевского ордена Ленина Академического театра имени Ивана Франко, работающего сейчас в Семипалатинске. Сцена в окопе. Слева направо: заслуженный артист УССР Е. Пономаренко в роли Сергея Горлова и артисты Ю. Величко, П. Шкреба, М. Панасев и Б. Степаненко в ролях героических «апостолов» — Остапенко, Гомелаури, Башлыкова и Шаяметова.

НА ЭКРАНАХ 1943 ГОДА

Советские зрители хорошо знают и любят картины режиссёра И. Пырьева — постановщика фильмов «Богатая невеста», «Трактористы», «Синявья и пахуч», и «Секретарь райкома». Сейчас И. Пырьев приступил к работе над фильмом «Москвичка» по сценарию В. Гусева. В этой картине будут показаны женщины и девушки Москвы, принимавшие участие в обороне столицы зимой прошлого года.

Автор известного исторического фильма «Пётр Первый», лауреат Сталинской премии режиссёр В. Петров ставит большой художественно-исторический фильм «Фельдмаршал Кутузов» по сценарию В. Солоньева.

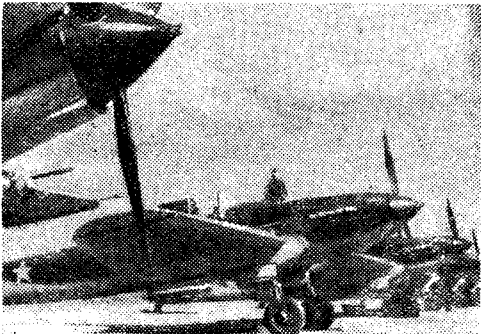
Режиссёры А. Столпер и Н. Иванюк работают сейчас над новым сценарием Константина Симонова — «Жди меня».

Режиссёр Ю. Райман, последнюю работу которого — фильм «Машенька» — с интересом смотрели советские зрители, приступает к съёмкам картины «Небо Москвы». Сценарий написан драматургом Е. Млявиным по его пьесе того же названия. Фильм посвящён работе московских лётчиков-истребителей осенью и зимой 1941 года.

Кроме того советский зритель увидит на экране пьесу А. Корнейчука «Фронт», повесть Ванды Василевской «Радуга».

Кадры из документального фильма «69-й параллель». На захте.

Эскадрилья штурмовиков на одном из северных аэродромов.

«69-Я ПАРАЛЛЕЛЬ»

Суровые берега незамерзающего Северного моря. На портах далёкой Америки вместе со струей Гольфстрема к этим хмурым, заснеженным скалам идут караваны тяжело нагруженных судов. Но морская дорога работает безотказно! Одни за другими подходят к портам караваны. На некотором расстоянии от русских берегов транспорты встречаются с кораблями Северного военно-морского флота СССР.

Героической борьбе нашего Северного флота с фашистским врагом посвящён новый документальный фильм Центральной студии кинолетописи — «69-й параллель».

Перед глазами зрителей проходит большая галерея портретов советских воинов. Это разные люди, из разных городов, сёл и деревень, разными они занимались делами, в из разных концов страны доставляют им письма военно-морская почта. Но теперь все они — от дважды Героя Советского Союза лётчика Сафорова до безымянной девушки-медички, вытаскивающей раненых из самого некла боя, — все они объединены сейчас одним великим делом: они сражаются за отчизну. Благородный облик советского воина встает перед глазами зрителей этого фильма. Это и есть главный герой «69-й параллели», отстаивающий великую морскую дорогу Севера — дорогу, которой приходят в наши порты все новые корабли союзников.

Правдивый, бодрый, уверенный и бодрый фильм! Авторы-режиссёры В. Белиев и М. Онуфриков создали цельное произведение на материале фронтовых съёмок кинооператоров Г. Доща, В. Миниско, Ф. Овсянникова, М. Ошуркова, С. Урусеветского.

Текст фильма написал Леонидом Соболевым тепло, с юмором и лиризмом.

Н. РУДИНЦКИЙ

Вот всё, что осталось от потопленного североморцами фашистского транспорта.

Оленьи упряжки доставляют на аэродром боеприпасы.

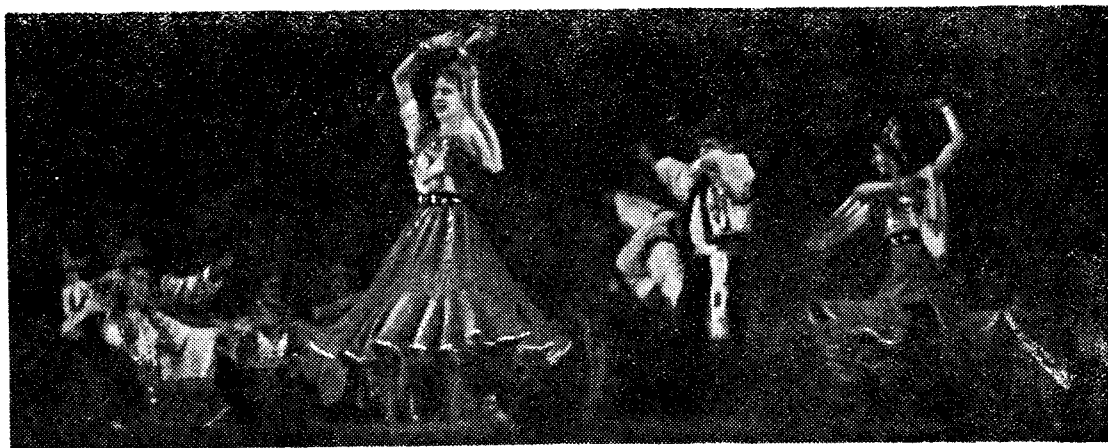
ЯРКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Ансамбль весели и пляски НКВД СССР порадовал зрителей новой театрализованной программой «Отчизна».

В первой картине программы исполняется сюита Д. Шостаковича — «Родной Ленинград». Увертюра «Октябрь 1917 года», песня-частушка «Над Невойю многоводной» и, наконец, пляска моздок, поставленная В. Вайноненом, переносят нас в первые дни Октябрьской революции. Художник П. Вильямс создал прекрасный фон. Ремонт Зимнего дворца. Медный всадник, арка, ведущая на площадь Урицкого, наконец, памятник Ленину у Финляндского вокзала воспринимаются как символ стойкости и мужества не только ленинградцев, но и всех советских людей.

Особое место занимают в программе песни и пляски народов СССР. С большим чувством поёт украинские песни артистка Андрейченко — «Стоять гора високая» и «Ой, не світи, місяченьку». Очень интересны танцы, поставленные К. Голейзовским.

В грузинском разделе программы участвуют певец Гегучадзе и танцоры Грикуров, Патарая, Лаладзе, Гатиатулина. В танце армянских крестьян «Тригги» Гатиатулина продемонстрировал незаурядные способности.

Молдавская пляска в исполнении ансамбля песни и пляски НКВД СССР.

Фото И. Шагина

Программа завершается скойей на тему об отечественной войне. Полная юмора и задора танцевальная

картина «На отдыхе» (постановка К. Голейзовского), такая же пляска хорошо дополняют спектакль.

Ставил спектакль Сергей Юткевич, художественный руководитель — В. И. Дунаевский.

Спорт

СТАРЕЙШИЙ КАТОК СТОЛИЦЫ

Скатая со всех сторон многоэтажными зданиями жилых домов, плашала прозрачной глазури льда скрита со стороны Петровки и Неглинной улицы.

Каток принял на сверкающий козер первых посетителей. Среди них были школьники, артисты, поэты, инженеры, военные — люди всех профессий и возрастов, пришедшие принять освежающую ванну декабрьского московского воздуха.

Конькобежцы-мастера З. Холщевникова, М. Кулакова и заслуженный мастер спорта И. Аникинов на катке «Динамо».

Спортивная история старейшего катка столицы имеет много ярких страниц. Пятьдесят четыре зимы назад, 19 февраля 1889 года, на катке Московского яхт-клуба был проведен первый розыгрыш Всероссийского чемпионата. Историческое соревнование выиграл петербуржец Александр Паппин. В ту же зиму Паппин стал победителем международного матча в

Амстердаме в состязании с прославленным американским чемпионом Доногью, не знавшим поражений на катках Нового Света.

Львиную долю спортивной славы на льду завоевал «железный чемпион» Яков Мельников, одиннадцать раз получавший это почетное звание. Звание первого конькобежца страны присуждалось по четыре раза москвичам С. Пурсеву и Н. Седову, по три раза — москвичам Н. Струнникову, П. Ипполитову и И. Аникинову.

НА ЛЫЖАХ

Ранним декабрьским московским утром на снежную дорогу выходит широкоплечая спортсменка Мария Осадчая.

Пунцовая кофта чемпионки ярким флажком мелькает на белоснежном просторе Останкинского парка, между покрытыми мохнатым инеем высокими лианами. Сильные, уверенные движения спортсменки вымерявают лыжную дорогу, по которой пойдут всеобщники, лыжные подразделения предприятий, школьники, ученики ремесленных училищ, бойцы воинских частей, отряды медсестер и сандружнички.

Мария Осадчая то кладет поклоны техникой одновременного хода, то идет размашистым попеременным русским ходом, то вымеряет расстояние четырехшажным ходом «в перекидку». Она по-хозяйски осматривает снежную дорогу и, довольная, возвращается на базу.

Бывший начальник цеха на механическом заводе, слесарь-стахановец 5-го разряда, тренер физкультуры 1-й категории — разносторонняя чемпионка этой зимой завоевала первенство в лыжной физкультурной специальности.

Мастер спорта был назначен директором лыжной базы в Пушкинском. «Лыжную гостиницу» нужно было открыть в срок для военно-лыжной подготовки московского населения. Директор, инструкторы лыжной науки, ремонтники, раздатчицы, уборщицы, художники убрали помещение, украсили комнаты, наводили порядок в лыжном доме. Финиш был блестящим. База в Пушкинском первая в Москве открыла двери светлого, чистого, опрятного во всех мелочах помещения лыжной станции.

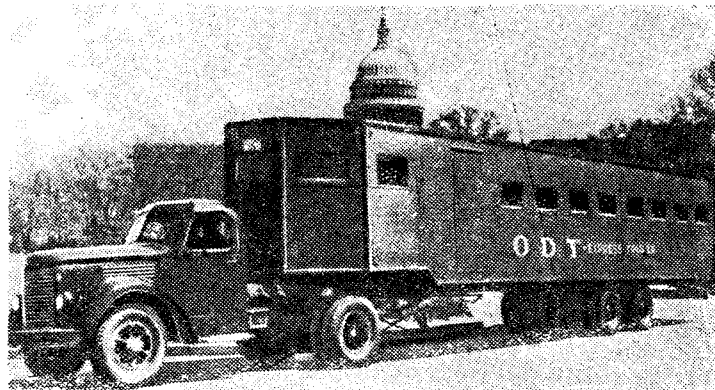

Мастер спорта Мария Осадчая (вперед) тренирует молодых лыжниц на лыжной базе в Пушкинском.

Фото Н. Волкова.

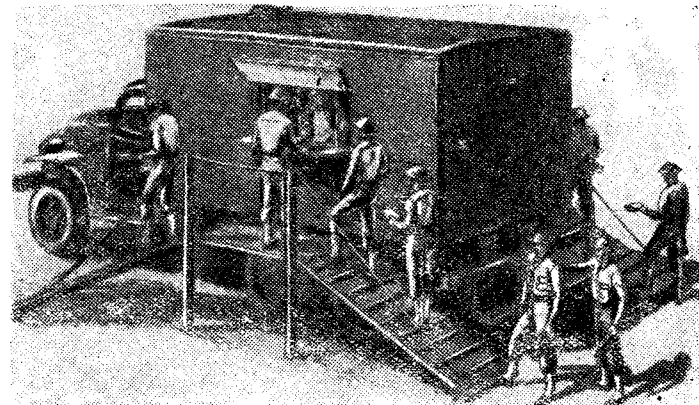
Техника за рубежом

АВТОБУСНЫЕ ПОЕЗДА

Для перевозки рабочих на военные заводы в Америке начали применять автомашин, вмещающие 141 человека. По внешнему виду такая машина длиной в 14 метров походит на обычный вагон товарного поезда. Корпус ее в основном сделан из фанеры. По всей длине кузова устроены деревянные скамьи на четыре человека. Проход оставлен лишь с одной стороны. «Паровозом» служит двигатель полторатонки. Эксперты считают, что такой автобус, заменяя личные машины при доставке рабочих на оборонные предприятия, даст немалую экономию горючего.

АВТОКУХНЯ

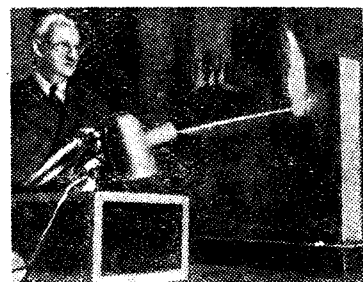

В американской армии широко используют подвижные кухни, полностью оборудованные для снабжения в полевых условиях горячей пищей 200 бойцов. В кухне экономно и целесообразно размещены все необходимые оборудование и немалый запас продуктов. Посреди кухни по всей ее длине проходит стойка, на которой установлены два вместительных кипятильника, термос и печь. Под стойкой размещены ящики для хранения посуды, провизии и

баков для супа или молока. В особом отделении под стойкой оборудован резервуар с бензином для печных горелок. На передней стене устроены полки для посуды и приправ. Во время стоянки с обеих сторон автофургона устанавливаются сходни с мостиком. Во время раздачи пищи бойцы поднимаются по сходням к раздаточным скамьям. При передвижении кухни сходни в собранном виде укладываются в проходах автомашин.

РОБОТ-ПОЖАРНЫЙ

Один из инженеров фирмы Вестингауз электрик завод машиностроительной компании сконструировал робота-пожарного, который автоматически распознает возникший огонь и гасит его. Фотоэлемент («электрический глаз»), регистрирующий возникновение пламени, установлен в латунной трубке с хоботком, через который проходит брандспойт пожарного шланга или огнетушителя. При запуске мотора трубка движется ритмически из стороны в сторону и вверх и вниз. Если свет пожара попадает прямо на фотоэлемент, робот перекидывает переключатель, тем самым прекращая движение хоботка, направленного прямо

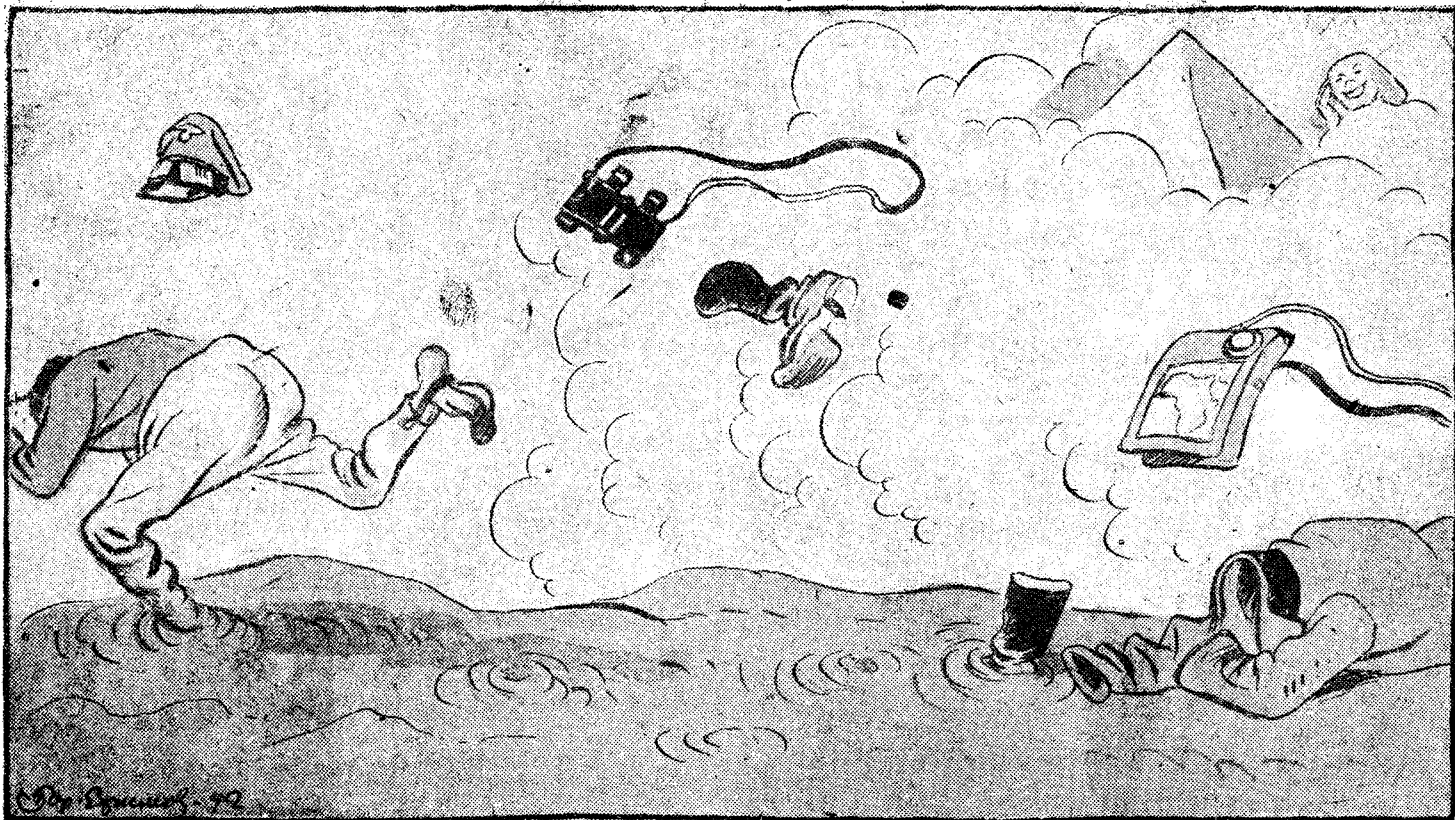

на пламя, и автоматически открывает доступ воде, бьющей прямой струей на основание пламени. На фото: робот в действии.

МИРАЖ И РЕАЛЬНОСТЬ

ТУДА. «Непобедимый генерал Роммель».

ОБРАТНО. Недогонимый генерал Разгромель.

Рисунок Бор. Ефимова.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А82161.

2 н. л.

Подписано к печати 31/XII—42 г.

Изд. № 1096.

Тираж 150.000.

Заказ № 3584.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.